

Вводные конструкции с глаголами предположения

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

В статье будут рассмотрены некоторые свойства вводных конструкций (ВК) с ментальными глаголами предположения (путативными): *Он, думаю / боюсь / надеюсь, не придет*. Главный глагол путативной группы — *думать*, глаголы *надеяться* и *бояться* включают оценочный компонент.

1. «Несимметричность» форм ментальных глаголов

Прежде чем перейти к обзору вводных конструкций, необходимо сделать важное замечание по поводу парадигмы форм ментальных глаголов (*думать, предполагать, знать, понимать*), которые участвуют и во вводных конструкциях, и в «обычных» сложных предложениях в качестве матричных предикатов с сентенциальным аргументом.

Начнем с общего положения: в коммуникации роли говорящего (1-е лицо) и адресата (2-е лицо) несимметричны в самых разных отношениях и по самым разным параметрам. Соответственно, у высказываний в 1-м лице и во 2-м лице разные свойства. Особенно это относится к высказываниям с глаголами ментальной сферы.

С коммуникативной точки зрения, да и просто с точки зрения здравого смысла, говорящий может сообщать адресату свои мысли (пропозиции) — знания, предположения (это высказывания в 1-м лице, ср.: *Я думаю / Я боюсь, что конкурс отменят*), может передавать известную ему информацию о других людях — в качестве пересказа или реконструкции (это высказывания в 3-м лице: *Он думает / Он боится, что конкурс отменят*), но не может — точнее, это было бы странно — сообщать адресату его собственные (т. е. адресата) мысли в виде высказываний во 2-м лице, поэтому высказывания с ментальными глаголами во 2-м лице, в отличие от высказываний с глаголами в 1-м лице, ср. (1) и (2), обычно требуют специального обоснования, специальных условий:

- (1) *Я думаю, что он согласится.*
(2) *?Ты думаешь, что он согласится.*

Осмысленные предложения с модусными глаголами во 2-м лице возможны в режиме снятой утвердительности (о таких контекстах см. [Падучева 2015; 2016]) — в вопросе (3), с оператором условия (4) или при цитировании ранее сказанного, уже известного (5):

- (3) *Ты думаешь, что он согласится?*
(4) *Если ты думаешь, что он согласится, ты ошибаешься.*
(5) *Ты ведь думаешь, что он не согласится, зачем же его просить.*

Аналогичная проблема существует и для вводных конструкций с ментальными глаголами. В принципе, ВК могут рассматриваться как результат понижения в ранге матричного предиката из исходного сложного предложения: *Я думаю, что он уехал* → *Он, я думаю, уехал*.

Однако конструкции с глаголом 2-го лица — кроме вопросов типа *Он, думаешь, согласится?*, которые соотносятся с предложениями типа (3), — обычно нельзя рассматривать как результат понижения матричного предиката: эти конструкции устроены совершенно иначе и имеют другие свойства.

В качестве примера (и немного отклоняясь от темы) возьмем глагол *знать* — он является фактивным и не относится к нашей группе, но очень ярко иллюстрирует несимметричность разных форм ментальных предикатов.

Высказывания (6а) и (6б) почти идентичны и отличаются только статусом глагола *знаю*:

- (6а) *Я знаю, что он не любит зиму.*
(6б) *Он, я знаю, не любит зиму.*

Во 2-м лице, даже в качестве матричного предиката, глагол *знать* требует специальных условий употребления:

- (7) **Вы знаете, что я не люблю зиму.**

В (7) адресат действительно **знает**, что говорящий не любит зиму, но это не сообщение, а напоминание — повторное воспроизведение уже известной адресату информации.

При этом аналогичное предложение с ВК 2-го лица:

- (8) *Я, знаете, не люблю зиму.*

— не является трансформацией (7) и имеет совершенно противоположный смысл: адресат **не знает**, что говорящий не любит зиму, он **впервые** об этом

слышит, причем говорящий сообщает это в доверительном ключе, как бы приоткрывая окно в свой внутренний мир.

Ср. также пример с вопросительной интонацией ВК (она отмечена знаком вопроса в квадратных скобках; такой знак используется в работе [Кобозева 1999]):

(9) *Вчера встретил знакомого. И я, **ты знаешь** [?], не сразу его узнал.*

Здесь говорящий не спрашивает: «Ты знаешь о том, что я не сразу узнал своего знакомого?» — и не рассчитывает получить ответ, поскольку адресат не может этого знать; наоборот, говорящий сообщает адресату некоторый новый факт и оценивает этот факт как удивительный.

Аналогичная несимметричность наблюдается у вводных конструкций с глаголами группы *думать*.

Повествовательное предложение с ВК 1-го лица допустимо (и, как сказано выше, может рассматриваться как редукция исходной структуры — сложного предложения):

(10) *Он, я **думаю**, придет.*

Аналогичное повествовательное предложение с ВК 2-го лица звучит неестественно:

(11) *?Он, **ты думаешь**, придет.*

При этом включать путативный глагол *думаешь* (в том числе в статусе ВК) в вопрос коммуникативно оправданно, если говорящий интересуется мнением адресата:

(12) *А он, **думаешь**, придет?*

Таким образом, в повествовательных предложениях у ВК с модусными глаголами, по существу, неполная парадигма, а именно: из нее выпадают формы 2-го лица, которые образуют отдельную конструкцию (как и в статусе матричного глагола в сложном предложении). Далее формы 2-го лица исключаются из рассмотрения. Мы будем рассматривать, в основном, формы 1-го лица глагола *думать* в ВК, привлекая материал *надеяться* и *бояться*. Впрочем, как будет видно дальше, у конструкций с формами 1-го лица также обнаруживается несимметричность по ряду параметров.

Ниже мы опишем разные виды такой несимметричности: ВК в составе вопросительных предложений по сравнению с повествовательными (раздел 2); различия между бессоюзными ВК (раздел 3) и союзными ВК (раздел 4).

2. ВК 1-го лица в вопросительных предложениях

Прежде чем перейти к обсуждению высказываний с путативными ВК, необходимо сделать одну оговорку по поводу высказываний вида: *Кто же, думаю, приходил?* В таких предложениях *думаю* имеет не путативное значение (мнения, предположения, пропозициональной установки), а значение мыслительного процесса: это так называемые слова автора при прямой речи, в данном случае — при внутренней речи. Такое употребление аналогично конструкциям с обычными глаголами речи: *Где, спрашиваю, ваши вещи?*

Теперь вернемся к настоящим ВК.

В позиции матричного предиката форма 1-го лица (*я*) *думаю* не совместима с вопросом:

(13) ?*Я думаю, что вы согласны?*

Для таких предложений возможны две интерпретации. Первая — вопрос о том, что думает говорящий. Он неприемлем по той же причине, по какой форма 2-го лица (?*Вы думаете, что я согласен*) не совместима с сообщением: странно сообщать адресату его мысли, но точно так же странно спрашивать у адресата о своих мыслях и предположениях. Вторая интерпретация — контаминация двух иллокутивных целей: это вопрос «Вы согласны?», к которому присоединено предположение «Я думаю, что вы согласны». Обе эти установки (наличие предположения и желание узнать истину) вполне совместимы и не противоречат друг другу, однако и при такой интерпретации предложение неприемлемо — возможно, потому, что синтаксически главным оказывается более «слабый» предикат — предположение.

Кажется, что так же должны вести себя ВК, однако у ВК 1-го лица с глаголом *думать* ситуация другая. Вопросительные предложения с ВК (*я*) *думаю* встречаются (употребление вводных нефактивных ментальных глаголов в вопросах рассматривалось в [Зализняк 2006: 470–473] — переработанный вариант статьи [Зализняк, Падучева 1987], однако там в центре внимания была именно допустимость таких вводных конструкций в вопросительных предложениях, нас же интересуют семантические типы вопросительных предложений, в которых есть ВК).

У вопросительных предложений с ВК 1-го лица особая семантика — это не настоящий вопрос. Так, в случае:

(14) *Вы, я думаю, согласны?*

— говорящий предлагает адресату согласиться («соглашайтесь, это было бы правильно»), но из вежливости оформляет призыв как вопрос. Отметим, что предложения типа (14) не являются результатом понижения в ранге

ментального предиката с позиции матричного до позиции вводного в предложениях типа (13), поскольку последние неприемлемы.

Высказывания вида:

(15) *Миллион, думаю, у вас уже есть?*

— также реализуют определенный риторический прием: выражение уверенности под видом вопроса; говорящий, очевидно, не ждет, что адресат ответит. (Мы сейчас отвлекаемся от обсуждения того, почему не все такие предложения звучат естественно, ср.: *‘Он, думаю, придет?’* — важно, что они в принципе возможны.)

Путативное *думаю*, т. е. предположение, которое — теоретически — должно допускать два варианта: ‘Р’ или ‘не-Р’ (ведь факты говорящему не известны) — на самом деле предполагает один определенный вариант. Говоря: *Я думаю, что он дома* — субъект уже выбрал вариант ‘Он дома’, хотя не знает, как на самом деле обстоят дела. Еще Дж. О. Урмсон в статье о парентетических глаголах отмечал, что автор предложения с предикатом мнения, в том числе в парентетической конструкции, претендует на истинность и обоснованность [Урмсон 1985: 206]. При этом в своих дальнейших действиях говорящий будет исходить из варианта ‘Х дома’.

Тот же эффект распространяется и на ВК *думаю*: хотя говорящий не знает, Р или не-Р, он уже выбрал один вариант в качестве более вероятного. Таким образом, для риторического вопроса, ответ на который как бы заранее известен (в том смысле, что говорящий уверен в Р), путативные ВК вполне подходят:

(16) *В тюрьму вы, я думаю, не хотите?, ср.: Вы же не хотите в тюрьму?*

Но почему ВК *думаю* несовместимо с настоящим вопросом?

Ведь можно представить себе ситуацию, когда говорящий действительно задает вопрос и вставляет в него ВК *думаю*, чтобы показать, какой вариант ответа ему кажется более вероятным. Возможно, вопрос, который совмещает в себе две иллюкутивные цели — задать вопрос и высказать предположение, оказывается коммуникативно перегруженным и даже содержит своего рода противоречие: либо говорящий не знает, Р или не-Р, и задает вопрос, чтобы получить информацию от адресата, либо, наоборот, хочет передать информацию адресату о своем предположении по поводу Р (это именно коммуникативная «перегруженность» — никакого логического противоречия между наличием предположения и желанием знать факты, как уже было сказано выше, нет).

В повествовательных предложениях *думаю* используется для нейтрализации утверждения, чтобы снять с себя ответственность, если реализуется

противоположный сценарий: *Вам понравится* → *Думаю, вам понравится* (разумеется, ВК — не единственный способ «ослабления» утверждения, ср.: *Он меня помнит* → *Он должен меня помнить*). Однако вопрос не имеет истинностного значения и не нуждается в показателе снятия утвердительности. В этом случае возникает конфликт между двумя иллокутивными целями: получить информацию о Р и сообщить адресату о своем предположении по поводу Р. Иными словами, говорящий должен или спрашивать, или предполагать.

Эмоционально маркированные ВК (*я надеюсь* и (*я боюсь*), в сравнении с эмоционально нейтральным (*я думаю*), ведут себя иначе.

Риторические вопросы с (*я надеюсь* / (*я боюсь*), как и с (*я думаю*), встречаются, ср.:

- (17) *Морской закон, я надеюсь, не отменен?* — спросил Брусков, плюхаясь на правое сиденье (Р. Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012);
(18) *Конфет, боюсь, уже не осталось?*

Однако для *надеюсь* возможны и не-риторические («настоящие») вопросы, когда говорящий не знает ответа и действительно хочет получить его от адресата:

- (19) *Ну, что же, теперь, я надеюсь, вы вспомнили мою фамилию?*
(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940));
(20) *Надеюсь, вы вчера успели на поезд?*

ВК *я думаю* в такой ситуации не употребляется, ср.:

- (20а) ?*Думаю, вы вчера успели на поезд?*

У *надеюсь* и *боюсь*, кроме компонента ‘Х предполагает, что Р’ есть еще оценочный компонент: ‘Р желательно / нежелательно’, который может «перетягивать» фокус на себя. ВК *я надеюсь*, как видно из сравнения с ВК *я думаю*, не делает высказывание Р предположением говорящего (ср.: *Миллион, я думаю, у вас уже есть?* — предположение, близкое к уверенности). В предложениях вида (19)–(20) компонент ‘предположение’ в семантике *надеюсь* «заблокирован», «нейтрализован», т. е. *надеюсь* используется только ради оценки: ситуация «вспомнил фамилию» / «успел на поезд» является желательной (предпочтительной) для говорящего и оценивается положительно. И хотя в высказываниях вида (19)–(20) нет предположения в качестве самостоятельной иллокутивной силы, связь с предположением все-таки сохраняется, поскольку оценка, содержащаяся в *надеюсь*, относится именно к нейтральной (неассертивной) пропозиции и ее нельзя заменить на другую оценку, например на ВК к *счастью*, — т. к. к *счастью* относится

к ассертивному Р: *Он, к счастью, успел на поезд*, но не **Вы, к счастью, успели на поезд?*

Интересно, что примеры с ВК *я боюсь* такого же коммуникативного статуса — настоящего вопроса, когда говорящий не знает ответа и хочет получить его от адресата, — в [НКРЯ] не найдены, ср.:

(21) *?Боюсь, вы опоздали на поезд?*

(22) *?Вы, боюсь, передумали участвовать в собрании?*

В [Зализняк 2006] этот запрет объясняется тем, что при оценочном глаголе *надеяться* исходное предположение вопроса (выбираемая альтернатива) соответствует и исходному предпочтению, а содержащий отрицательную оценку глагол *бояться* «не может <...> служить средством экспликации предпочтения» [Там же: 473] — за исключением случаев, «когда основная пропозиция вопроса уже содержит оценочный компонент, определяющий исходное предпочтение данного вопроса» [Там же]. Представляется, что «негативная» пропозиция не всегда спасает положение (ср.: *?Боюсь, ты проиграл?*) и должен учитываться также тип вопроса.

ВК имеют разные структурные варианты, которые в отдельных контекстах выглядят как равноценные:

Он, думаю, уже не придет.

Он, я думаю, уже не придет.

Он, как я думаю, уже не придет.

В действительности, однако, эти варианты отличаются. По свойствам можно объединить ВК *я думаю* и *думаю* (как редуцированный вариант *я думаю*) и противопоставить их ВК *как я думаю*. Первые будем условно называть бессоюзными ВК, вторую — союзной ВК.

3. Бессоюзные ВК

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Форма наст. времени *думаю* / *я думаю* — показатель неассертивности в режиме синхронной точки отсчета:

(23) *Он, я думаю, не придет.*

(24) *Этот сейф, думаю, невозможно взломать.*

В таком виде ВК близки к модальным показателям типа *по-видимому*, *скорее всего*:

Дверь, по-видимому / наверное / скорее всего, будет закрыта — ‘я думаю’.

У таких ВК нет «внешних» форм времени и лица, но семантический субъект у них есть: они относятся к субъекту сознания (термин Е. В. Падучевой, см. [Падучева 1991]), в простейшем случае — к говорящему.

При этом формы с невыраженным субъектом типа *по-видимому* имеют более «объективный» статус, а эксплицитно авторизованные формы типа (я) *думаю* прямо указывают на субъекта и на то, что информация Р имеет статус его предположения, гипотезы.

ВК настоящего времени *я думаю* означают, что в момент речи у говорящего нет информации об истинности Р. Такие ВК могут относиться:

— к неверифицируемым пропозициям — например, к общим суждениям:

- (25) *Любой психически здоровый человек, я думаю, спокойно отнесется к шутке, направленной в его адрес, и сам всегда посмеется над собой* («Дело» (Самара), 2002.05.03);

— к неверифицированным на момент речи пропозициям — ситуациям в будущем:

- (26) *Но этим летом отпуск мой, думаю, продлится недолго* («Коммерсантъ-Власть», 2000);
(27) *Рыбаки должны отстоять свое право на работу. И, я думаю, это получится* («Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.14);

— либо в прошлом (если у говорящего отсутствует точная информация, Р или не-Р):

- (28) *Прохоров, когда входил в проект, думаю, понимал, где он живет* («Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011);
(29) *Здесь, я думаю, сыграла еще роль его личная дружба с министром внутренних дел Щелоковым* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995–1999).

Аналогичный статус имеют ВК *боюсь* и *надеюсь*, которые дополнительно содержат оценку Р как желательного или нежелательного:

— Р = будущее событие:

- (30) *А в целом экономику в нынешнем году поддержит сельское хозяйство: оно, я надеюсь, покажет рост, виды на урожай хорошие* («Эксперт», 2015);
(31) *Это настолько просто, Рама, что ты, я боюсь, не поймешь* (Виктор Пелевин. Бэтман Аполло, 2013);
(32) *Ей будет очень трудно, я боюсь, отрешиться от твоего образа, когда придет ее время* (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич», 1993);

— Р = прошлое событие, о котором автор еще не располагает точной информацией, или вообще трудноверифицируемое / неverifiedицируемое:

- (33) *Классические позиции, которые, я надеюсь, вы изучили на моих карточках, — вот ваш ориентир* («64 — Шахматное обозрение», 15.04.2004);
- (34) *Вологодские градозащитники, боюсь, уже потеряли надежду добиться наказания виновных в гибели наследия их прекрасного города* («Огонек», 2014).

Обратим внимание на то, что путативные ВК часто играют роль риторического приема, фигуры речи. В случае, когда ситуация Р относится к будущему времени, говорящий понимает: хотя форма будущего формально входит в парадигму реальной модальности, на самом деле это лишь предположение. Если говорящий сообщает *Книга выйдет в этом году*, он исходит из того, что Р реализуется (в соответствии с постулатом Г. П. Грайса «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [Грайс 1985]). При этом он должен сделать поправку на то, что будущее неизвестно, и такое утверждение выглядит слишком категорично. Поэтому в высказываниях о будущих событиях, в которых говорящий уверен, может включаться «ритуальная», смягчающая ВК:

- (35) *Эта традиционная венецианская лодка стала моей недавно, и про нее есть отдельная история в моей новой книге, которая, я надеюсь, выйдет в этом году* (Лодка, дети, музыка, свет и тепло. Как победители премии «НОС» тратили свои выигрыши, 29.06.2017).

В высказываниях о прошлых событиях оценочные ВК типа *боюсь* также могут выступать скорее как сигнал смягчения категоричности:

- (36) *Я смотрела на него такими счастливыми глазами, что, боюсь, он все понял* («Даша», 2003).

В (36) говорящий уверен в Р (*Он все понял*), но поскольку он передает внутреннее состояние другого лица, то с помощью ВК превращает уверенность в предположение (→ *Боюсь, он все понял*).

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Итак, в повествовательных предложениях путативные ВК настоящего времени выступают как маркер снятия утвердительности или используются для «этикетного» смягчения категоричности (*надеюсь* и *боюсь*, кроме

того, выражают отношение к Р как желательному или нежелательному событию).

Однако формы ВК прошедшего времени формируют совершенно другую семантическую структуру.

У прошедшего времени есть фундаментальная импликация: ситуация Р уже завершилась — если она продолжается, нужно употребить глагол в настоящем времени. Для ментальных предикатов со значением предположения правило более сложное: если говорящий в момент речи не знает, чем закончилась ситуация Р (даже если она закончилась), он должен использовать ментальный предикат в настоящем времени: *Петя, я думаю, успел на поезд*. Если же говорящему известно, Р или не Р, то предположение в прошедшем времени становится избыточным и нарушает постулат Г. П. Грайса [1985]: говорящий располагает знанием, и надо сделать более сильное утверждение, т. е. сообщить знание (*Петя успел на поезд*), а не предположение (*Я думал, Петя успеет на поезд*). Тем не менее предложения с ментальными путативными глаголами в прош. времени — как в позиции матричного предиката, так и во вводной конструкции — встречаются.

Чтобы сообщать о предположении по поводу прошлой ситуации Р, которое в момент речи уже неактуально (если реализовалась Р) или даже неверно (если реализовалась не-Р), у говорящего должны быть специальные основания.

Материал ВК показывает, что есть несколько главных мотивов, чтобы употребить прош. время ментального глагола.

Во-первых, нарратор может имитировать синхронную точку отсчета — представить предположение персонажа (в том числе самого себя, если это повествование от 1-го лица) в прошлом, из той точки во времени, когда еще не известно дальнейшее развитие событий. Нарратор, поскольку он находится в настоящем, но повествует о прошлых событиях, вынужден использовать форму прош. времени глагола в ВК (*думал / надеялся / боялся, Р*). Это своего рода изобразительный прием (при этом импликация ‘в момент речи нарратор уже знает, Р или не-Р’ в таких контекстах «нейтрализуется», подавляется):

- (37) *На сегодня у них была запланирована массовая поездка в чёрт знает куда, мне было пофиг, думал, прилеплюсь и буду прогулочным шагом следовать за ними* («Бельские просторы», 2018);
- (38) *На панихиде в Домжуре Лидка рыдала и билась о гроб так, что, боялись, вот-вот вытряхнет щуплое тело мужа из обтянутого красной материей корытца* (Ю. М. Поляков. Любовь в эпоху перемен, 2015).

Другое основание — специально подчеркнуть, что развитие событий пошло не по тому сценарию, какой предполагал говорящий или персонаж:

- (39) *А я уж испугался, **думал**, с тобой что случилось* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!, 1957) → ‘Р не подтвердилось, имело место не-Р’;
- (40) *Думала, уж и не догоню, в лес, **боялась**, ушел* (Ф. Шамагонов, Е. Зотов. Гость, 1977);
- (41) *Я вошел без единого звука — вдруг, **надеялся**, заснула, — но она почувствовала мое присутствие и медленно повернула голову* (Р. Киреев. Четвертая осень, 1989).

Еще одно важное основание сообщить о предположении персонажа в прошлом — если это предположение объясняет поведение данного персонажа, логику его действий. Особенно часто в этой функции встречаются эмоционально маркированные ВК *бояться* и *надеяться*, поскольку именно страхи и надежды часто движут поступками:

- (42) *Многие считали, что Цицерон не был участником, нет, его даже не посвящали — Брут, Кассий — в заговор, **боялись, проболтается**, а был вдохновителем этого злодеяния со своими постоянными речами против тирании, против диктатуры* (Наталья Басовская. Цицерон // «Знание — сила», 2008).

— не посвящали, потому что боялись, что проболтается.

Обратим внимание, что во всех этих примерах фигурирует редуцированный вариант ВК — без подлежащего: хотя форма прошедшего времени *думал* не указывает на лицо, субъект глагола легко вычисляется (это говорящий либо персонаж).

В полном виде — *я думал / я надеялся / я боялся, Р* — бессоюзная конструкция почти не представлена. Есть лишь единичные примеры с интерпозицией ВК, где *я думал / я надеялся / я боялся*, бесспорно, является вводной конструкцией:

- (43) *Держась выбранной тактики, я стал убеждать моих собеседников (а через них и их начальство, среди которого, **я думал**, есть такие, кто со мной согласятся), что не те, кто подписывал письма, а те, кто к ним не прислушался, виноваты в ухудшении отношений с Западом и подрыве престижа СССР* (В. Войнович. Дело № 34840, 1999);
- (44) *Всю ночь я репетировала свой разговор с судьей. Придумывала фразы, которые, **я надеялась**, услышав от меня, она запомнит*

- и повторит во время судебного разбирательства* (А. Алексин. Раздел имущества, 1979);
- (45) *Первый в истории Большого театрализованный сбор труппы, **мы надеялись**, закладывал такие необходимые сейчас добрые традиции* (В. Васильев. Большой театр велик! // Независимая газета, 15.09.2000);
- (46) *Я сделала усилие и вдруг, разорвав силу молчания, сковывавшую меня, заговорила голосом тихим, внутренним, который, **я боялась**, оборвется каждую секунду* (Л. Н. Толстой. Семейное счастье, 1859).

Такие примеры выглядят как «промежуточные»: напрашивается либо «расширение» до союзной конструкции — *как я думал, как я надеялся*, которое нежелательно или даже невозможно, т. к. поменяет коммуникативную структуру и перенесет акцент с состояния (предположения) субъекта на реальность (см. следующий раздел), либо редукция подлежащего — *думал, боялся, надеялся*, — которая в такой позиции тем более нежелательна.

В большинстве же примеров *я (он) думал / боялся / надеялся* занимает начальную позицию, т. е. стоит перед предложением Р, а в такой позиции ВК неотличима от обычного матричного глагола в бессоюзной конструкции, т. е. с опущенным союзом *что* (о сложных предложениях с глаголами пропозициональной установки, но без союза см., например, [Сердобольская 2017]).

4. Союзные ВК

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: КАК Я ДУМАЮ / НАДЕЮСЬ / БОЮСЬ

Благодаря наличию компонента *как*, который выполняет функцию не только союза, но и показателя выбора (особого мнения), союзная конструкция существенно отличается по свойствам от бессоюзной. Это почти полноценное предложение, которое соотносится с утверждением *Я так думаю*.

В отличие от редуцированной ВК *думаю*, которая имеет отчасти «импровизационный» статус (говорящий как бы формирует предположение в момент речи, ср.: *Он согласится?* — *Со временем, думаю, согласится*), при использовании союзной конструкции говорящий сообщает «готовую» мысль, к которой он пришел раньше в результате обдумывания:

- (47) *Основную же роль, **как я думаю**, в моем назначении сыграла высокая характеристика, которую дал мне Игорь Евгеньевич* (А. Д. Сахаров. Воспоминания, 1983–1989);

- (48) *Тем более на предыдущем процессе не расстреляли ни Сокольникова, ни Радека, ни Раковского, их оставили жить, как я думаю, в качестве приманки для Бухарина и других* (Анна Ларина (Бухарина). О предсмертном письме Н. Бухарина, 1992).

Это относится не только к прошлым, но и к будущим ситуациям:

- (49) *Финал моего романа, как я думаю, кончится не скоро...* (И. П. Рапгоф. Тайны японского двора. Роман из современной японской жизни, 1904).

Субъект обдумал это, пришел к такому выводу и теперь приводит его, как бы цитируя уже готовое предположение. Поэтому такие конструкции 1-го лица (*как я думаю, как я надеюсь*) уместно называть **автоцитированием** (естественно, для форм 3-го лица — *как X думает* — речь идет о цитировании известного говорящему мнения или предположения 3-го лица). Они похожи на другие конструкции цитирования типа *как говорят, как известно*, только сообщается собственная пропозиция говорящего (показательно, что такая «утяжеленная» конструкция обычно не используется для сообщения бытовых предположений типа *Завтра, как я думаю, пойдет дождь*).

Специфика вводной конструкции с *как* связана с особенностями данного союза: *как*, по происхождению и свойствам, близок к местоимениям *как* и *так*. Пропозициональные местоимения *как* и *так* существенно отличаются от пропозициональных местоимений *что* и *это* и имеют другую концептуализацию пропозиционального содержания (см. [Кустова 2019]). Эти различия сохраняются и во вводных конструкциях с *как*.

Что (и *это*) — просто контейнер для переноса содержания из главной клаузы в зависимую (*Он все-таки пришел, на что (= 'на то, что он придет') мы уже не надеялись*). *Как*, будучи исходно обстоятельством образа действия, предполагает выбор, разные варианты развития событий, разные возможности. *Как* связано с мнением, выражением точки зрения: 'как X думает' предполагает, что можно думать так или иначе (эта особенность *как* проявляется в том числе и в конструкции цитирования, которая включает именно *как*, а не *что*, ср.: *Как сказал Гегель, ...*).

Соответственно, *как*-предложения с ментальными глаголами *думать, надеяться, бояться* (и под., ср. *ожидать*) — это не просто пересказ, изложение каких-то пропозиций, а некоторая рефлексия (в частности, осмысление, анализ мнений и предположений других людей, если речь идет о ВК 3-го лица): содержание пропозиции можно будет сравнить с реальностью, можно будет обсудить, установить истинность / ложность предположений.

Настоящее время ВК означает, что и в момент речи пропозиция остается предположением, что она еще не верифицирована.

Иногда это просто предложения или оценочные суждения, которые вообще с трудом поддаются верификации:

- (50) Главным же для ученого, и, вероятно, для любого пишущего человека, остается, **как я думаю**, сама потребность мыслить и писать, которая как таковая не нуждается в освящении «высшими инстанциями» (Р. М. Фрумкина. О нас — наискосок, 1995).

Союзная ВК в настоящем времени может относиться к неверному предположению, если это предположение другого человека, а не самого говорящего:

- (51) Высокий уровень адреналина в крови **не способствует, как многие думают**, эффективному выполнению боевой задачи («Боевое искусство планеты», 08.12.2003);
- (52) Кстати, основные боли в «перетренированных» мышцах появляются **не назавтра, как многие думают, а через день** после тренировки (Л. Кадулина. Аэробика, 2004 // «Homes & Gardens», 02.03.2004);
- (53) Кстати, ворон живет совсем **не 300 лет, как некоторые думают**. Его средний век — 20–30 лет (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой, 2002).

— ‘некоторые думают, что 300 лет, а на самом деле — 30 лет’.

Представлять свое собственное мнение как синхронно неправильное — своего рода иллюкутивное самоубийство, если использовать термин З. Вендлера [1985]:

- (53a) [?]Ворон живет не 300 лет, как я думаю, а 30.

Интересно, что в такой конструкции опровержения в парадигму ВК с ментальными путативными глаголами возвращается 2-е лицо:

- (53б) Ворон живет не 300 лет, **как ты думаешь**, а 30.

ВК как я надеюсь тоже вводит:

— либо общие (часто неверифицируемые) суждения:

- (54) Из этих примеров, **как я надеюсь, видно**, насколько надо быть осторожными (Б. Б. Вахтин. Человеческое вещество?, 1950–1980);

— либо ситуации, о реализации которых говорящему на момент речи не известно:

- (55) Вейнрейху отправил 5 экземпляров вопросника и открытку с указанием, что деньги за 5 экземпляров *Anleitung*, которые он, **как я надеюсь**, уже **получил**, он может перевести в Краков (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону, 1920–1938).

С ВК *как я боюсь / мы боимся* (наст. вр.) в [НКРЯ] найдено только два примера:

- (56) *Но если, какъ я боюсь, это окажется практически невозможнымъ, — вставая, сказалъ онъ съ подчеркнутой ироніей, — то вѣдомству вашему, да и лично вамъ, тревожиться нечего* (М. А. Алданов. Ключ, 1929);
- (57) *Одно изъ трехъ непременно должно произойти: или народъ поколеблется въ своей вѣрѣ, и затѣмъ поколеблется все государственное устройство, какъ мы видѣли на Западѣ; или правительство дойдетъ до правильнаго самосознанія и обратится искренно къ вѣрѣ народа, какъ мы надѣемся: или народъ увидитъ, что его обманываютъ, какъ мы боимся* (И. В. Киреевский. Письма А. И. Кошелеву, 1853).

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ: КАК Я (ТЫ / ОН) ДУМАЛ / НАДЕЯЛСЯ / БОЯЛСЯ

Для конструкции в прошедшем времени — *как я (ты / он) думал / надеялся / боялся* — ситуация совершенно другая.

Общая импликация прошедшего времени = ‘сейчас Х так не думает’: сейчас Х уже знает, произошла ситуация Р или не произошла’ — в противном случае (если он не знает) должно сохраняться настоящее время (*я думаю* → ‘еще не знаю’).

Теоретически для предположения, как уже было сказано, возможны два варианта, два исхода: ‘Р подтвердилось’ и ‘Р не подтвердилось’.

Конструкция *как Х думал* в прош. времени используется только для случая, если предположение Р не подтвердилось: ‘Х думал, что Р, сейчас известно, что не-Р (Q)’ — т. е. предположение было неверным. Верное (подтвердившееся) предположение передается другой конструкцией — с отождествительной частицей *и*: *Как я и думал, Р*.

Смысл ‘Р не подтвердилось’ может содержаться в контексте:

- (58) *В этом году Алексей Федорович встретился со своим прошлым, которое, как он думал, погибло навеки* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009)

— ‘в t-1 Х думал, что прошлое погибло; в более поздний момент t-2 выяснилось, что нет’.

- (59) *У шефа в шкафу, где, как все думали, лежали важные документы, на самом деле были спрятаны портреты в рамках* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем, 2002);

- (60) *Жутковатым мне показалось то, что я увидел... пустой город. Город без людей. **Без тех простых людей, петербуржцев и гостей Северной Пальмиры, для кого, как мы думали, и будет отмечаться 300-летие этого уникального, удивительного города*** («Встреча» (Дубна), 11.06.2003).

В такой синтаксической конфигурации, как в (59)–(60), в сфере действия ментального предиката *думал* (*думали*) находится именно предположение Р (ожидание), которое было у Х-а в какой-то момент в прошлом, но не реализовалось.

Есть и более сложные конструкции, образованные в результате компрессии, совмещения обеих этих пропозиций ('предполагал Р, получилось не-Р') в предложении с противопоставлением.

Смысл 'не-Р' может эксплицитно содержаться в предложении:

- либо в виде конструкции «не Р, а Q»;
- либо в виде конструкции «не-Р».

Полная конструкция «не Р, а Q»:

- (61) *Она вдруг сказала, чтобы я на всех троих купил билеты домой. И я съездил и купил, только **не на поезд, как она думала, а на самолет*** (В. Слипенчук. Зинзивер, 2001)

— 'она думала, что билеты на поезд, но оказалось, что на самолет'.

- (62) *Однако хлопоты и покупки, пристальное внимание к собственной персоне **не вывели** Маргариту в люди, **как она надеялась, а, наоборот, замкнули** на себе* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки, 1995–1999);

- (63) *Муравьев приехал от Керенского, который сказал, что военнообязанных из комиссии не возьмет, и сказал это совсем **не морщась, как я боялся, а с полной готовностью*** (А. А. Блок. Дневники, 1917).

В (62)–(63) Р и не-Р оказываются членами противопоставления, связанными двойным союзом *не... а*. При этом ВК как Х думал позиционно примыкает к не-Р (*не на поезд; не вывели; не морщась*). Однако отрицание *не* в сферу действия вводной конструкции (модального оператора) не входит: 'Х думал, что билеты на поезд / что хлопоты выведут в люди', а не то, что 'билеты не на поезд / хлопоты не выведут в люди' (заметим, что это особенность именно данной конструкции, у другой ВК — как Х и думал — отрицание входит в сферу действия ментального предиката: *Он купил билеты*

не на поезд, как она и думала = ‘думала, что НЕ на поезд, и оказалось, что НЕ на поезд’).

Редуцированная конструкция «не-Р».

Конструкция «не Р, а Q» может выступать в усеченном (редуцированном) виде «не-Р», однако вторая ее часть обязательно подразумевается:

(64) *Нет, это не птица симург, как я думал*, — услышали они рассудительный голос Пушты. <...> Он ткнул рукой в сторону пальмы. Хозяин утверждает, что это не местные птицы (Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч», 2001);

(65) *Мэя махнула рукой, но не улыбнулась, как он надеялся* (С. Осипов. Страсти по Фоме, 1998);

(66) *Григорий Васильевич на тебя не в обиде, как ты боялся* (Ю. В. Трифонов. Время и место, 1980).

Здесь отрицание *не* тоже не входит в сферу действия вводной конструкции (модального оператора), как и в полном противопоставлении, т. е.:

не в обиде, как ты боялся ≠ ‘боялся, что не в обиде’
= ‘боялся, что в обиде, а оказалось — не в обиде’.

Итак, анализ вводных конструкций с ментальными предикатами предположения показывает, что ВК имеют неполную парадигму, а те формы глагола, которые используются в ВК, могут выполнять разные функции, т. е. почти каждую форму можно рассматривать как отдельную конструкцию со своими свойствами.

Литература

- Вендлер 1985 — З. Вендлер. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
- Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. О семантике вводного употребления глаголов // Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 463–477.
- Зализняк, Падучева 1987 — Анна А. Зализняк, Е. В. Падучева. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. М., 1987. С. 80–96.
- Кобозева 1999 — И. М. Кобозева. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М., 1999. С. 539–543.
- Кустова 2019 — Г. И. Кустова. Концептуализация не полностью контролируемых ситуаций: глаголы и местоимения // Компьютерная лингвистика и интеллект

- туальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019». Вып. 18 (25). М., 2019. С. 340–350.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).
- Падучева 1991 — *Е. В. Падучева*. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 164–168.
- Падучева 2015 — *Е. В. Падучева*. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39, No. 2. P. 129–162.
- Падучева 2016 — *Е. В. Падучева*. Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 22–36.
- Падучева 2019 — *Е. В. Падучева*. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М., 2019.
- Сердобольская 2017 — *Н. В. Сердобольская*. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2017. № 5. С. 7–35.
- Урмсон 1985 — *Дж. О. Урмсон*. Парентетические глаголы // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 196–216.